

Елена КАПИТАНОВА,

г. Ханты-Мансийск

НЕЛЮБИМАЯ КНИГА

*«Бойся равнодушных — они не убивают и не предают,
но только с их молчаливого согласия существует
на земле предательство и убийство».*

Бруно Ясенский

Когда за окном вот такой нудный, бесконечный дождь, нужно печь пироги с повидлом, лепить с детьми из пластилина или перечитывать какую-то особенную книгу. Совсем не новую, из детства, заученную почти наизусть. Читать не для пользы ума, а для того, чтобы выловить из закоулков памяти самое светлое, чистое, доброе. Оно только и спасёт от непоправимой взрослой тоски серого понедельника.

Когда я была маленькой и читать как следует не умела, мне нравилось рассматривать корешки книг. Моя детская кровать стояла близко к шкафу, и я спросонья разбирала по слогам: «МЮ-ЛЕР-МОН-ТОВ», «НА-НЕК-РА-СОВ», «АС-ПУШ-КИН».

«Аспушкин» мой любимый. Обложка у него красная, матерчатая, как флаг, и написано в стихах. Очень интересно. А картинки такие, что можно целый час рассматривать. В самом начале дуб нарисован, а на нём кого только нет: и русалка, и кот, и богатыри, и бабушка какой-то. А в середине книги – царевна-лебедь. Красивая, даже дух захватывает. Я хотела её нарисовать, да только не похоже вышло. А у мамы получилось, потому что она учительница и всё умеет лучше всех.

Мы с бабушкой читали каждый день, лёжа на диване. Точнее бабушка читал, а я, устроившись у него под мышкой, слушала и разглядывала картинки. «Скоро сказка говорится, дело мешкотно творится, – читал он и, сделав паузу, добавлял: – мешкотно – значит медленно». «Как же много знает мой бабушка, все старинные слова разбирает, – думала я, трогая пальчиком нарисованного на желтоватой

странице хорошенького Конька-Горбунка. – Это потому что ему очень много лет, а когда он был молодой, все так и разговаривали». Я разгадала дедушкин секрет, только когда научилась читать сама – слова эти были помечены звёздочкой, а внизу мелким шрифтом было написано пояснение.

Я любила Чуковского с иллюстрациями Конашевича. Мне приглянулась страница с чудесным деревом, на котором росли разноцветные ботиночки и сапожки. А на концах веток – совсем крошечные тувельные бутончики. Вот эти красненькие – мне. А ещё мне ужасно нравилось слушать пластинку «Аленький цветочек». Можно следить, как иголка скользит по чёрной бороздчатой глади, а можно взять кукол и успевать играть ими вслед за чтением.

Но была у меня одна нелюбимая книга. До того нелюбимая, что я её затолкала во второй ряд в шкафу, и даже смотреть на неё не хотела. Это был сборник рассказов Александра Раскина «Как папа был маленький».

Сперва книжица мне понравилась: обложка у неё глянцевая и картинки хорошие. С интересом прочла рассказа два или три, пока не добралась до заголовка «Как папа охотился на тигра».

Я с увлечением окунулась в очередную историю: ребята на школьном дворе играли в африканских охотников. Вот только роль тигра поневоле играл маленький беззащитный котёнок, в которого со всех сторон летели камни. Я торопливо пробегала глазами по строчкам, держа палец в начале каждой, чтоб не потеряться. Чем же закончится история, кто спасёт пушистого героя рассказа? Ну конечно, маленький папа выручит его из беды, иначе и быть не может! В детских книжках всегда хороший конец.

«...Но кто-то из ребят закричал:

– Котёнок-то умер!..»

Я ещё раз медленно прочла обе строчки, не веря глазам. Не может такого быть! Не должно! Ребята ведь не хотели погубить котёнка, просто заигрались. И маленький папа понимал, что делается дурное, злое дело, но не остановил друзей, не защитил малыша.

Я прочла рассказ до конца, смутно надеясь, что всё ещё исправится. Может быть, ребятам показалось, и пушистый комочек пошевелится и оживёт. И сразу, конечно, приедет добрый доктор Айболит и вылечит беднягу. А ребятам станет так стыдно, что они больше никогда...

Но незнакомый вершитель выдуманных судеб был неумолим:

«Никогда он теперь не будет прыгать, бегать, играть с другими котятами, никогда он не будет большим, взрослым котом».

Губы мои дрожали, в носу щипало. Я бросила книжку, а потом и вовсе запрятала подальше... Но долго ещё не могла забыть о погибшем котёнке. Я рассердилась на книжку и на писателя. Что же он за человек такой, если не пожалел беззащитного зверёныша? Так и осталась книга недочитанной лежать в глубине шкафа.

Вот только с тех пор, если кто-то во дворе мучил кошку или пугал дворовую собачонку, я не могла молчать. Закричать, затопать ногами, позвать маму – только не дать свершиться самому страшному.

Став старше, я научилась опасаться безразличных «удобных» людей, которым что доброе, что злое – всё мимо. Годы спустя я поняла, что эта нелюбимая брошенная книжка была, может быть, одной из самых важных в моей жизни.